Сычева Инна Борисовна
старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Орловский государственный
университет им. И.С. Тургенева»
г. Орел, Орловская область

ВСТРЕЧНЫЙ ВОПРОС: СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ФОРМЫ В НЕПРЯМОЙ ФУНКЦИИ

Аннотация: *в статье анализируются примеры встречных вопросов с местоимением «какой», употребляемые в непрямой функции. Автором выявлено, что такой тип предложений представляет собой специальное лингвистическое средство, обладающее вполне четкой совокупностью интонационных, семантических, синтаксических и прагматических характеристик.*

Ключевые слова*: встречный вопрос, непрямая функция, реактивное высказывание, пресуппозиция, уместность.*

За выражением «встречный вопрос» стоит конгломерат разнородных явлений, из них только небольшая часть представляет собой структуры, специализированные для употребления в качестве реакции на вопросительное высказывание. Как правило, они представляют собой клишированные формы, употребление которых обычно связано с нарушением условий успешности инициирующей вопросительной реплики.

Для встречных вопросов характерно как прямое, (т. е. в качестве речевого акта-вопроса), так и непрямое употребление. В данной работе рассматриваются специфические типы предложений с вопросительным словом *какой*. Мы будем иметь в виду вопросительное предложение, употребляющееся только в качестве реактивного высказывания, обладающее определенным интонационным рисунком и выполняющее прагматическую функцию выражения удивления, касающегося пресуппозитивных элементов предшествующего ему высказывания.

Рассмотрим первый вопрос из следующего примера:

(1) – Ипполит, – повторила теща, – помните вы наш гостиный гарнитур?

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

– *Какой*? – спросил Ипполит Матвеевич с предупредительностью, возможной лишь к очень больным людям.

– Тот... Обитый английским ситцем... [3, с. 16].

Смысл этого вопроса – уточнение референтной отнесенности существительного, с которым соотнесено вопросительное слово. Можно было бы сказать, что такие вопросы уточняют модель ситуации, представленную в предыдущей реплике. Соответственно, можно допустить, что подобного рода вопрос может быть задан не только относительно актантов предыдущего высказывания, но и относительно циркумстантов, ср.: *Ты придешь завтра? – Во сколько?*; *Передвиньте этот шкаф – Куда?* и т. п. Существенное отличие в рассматриваемом примере состоит в том, что другие подобные вопросы уточняют пропозициональную структуру высказывания, в случае же с *Какой?* (и, пожалуй, с *Кто?*, когда оно имеет антецедент-местоимение) речь идет об установлении референтного отношения. Важно, однако, что, даже учитывая направленность «неактантных» вопросов на уточнение пропозиции, не следует забывать, что ответы на такие вопросы будут соотнесены со вполне конкретными временными или пространственными координатами.

Статус таких вопросов достаточно очевиден: он занимает промежуточное положение в четырехчленном диалогическом единстве – с одной стороны, выполняя роль сигнала обратной связи, с другой – стимула для следующей реплики, которая соотнесена с репликой, изначально инициирующей все данное диалогическое образование. Структура данной реплики идеально подходит для выполнения этой, и только этой, двойственной функции: с одной стороны, это эллиптическое предложение, причем эксплицитно данная, не нуждающаяся в восстановлении его часть – местоимение (отсюда – несамодостаточность, семантическая пустота), с другой стороны – стимуляция следующей реплики обусловлена вопросительностью этого предложения.

Следующий пример представляет собой совершенно другой прагматический тип.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

(2) – А вдруг они не золотые? – спросил любимый сын лейтенанта, которому очень хотелось, чтобы Паниковский возможно скорее развеял его сомнения.

– *А какие ж они, по-вашему*? – иронически спросил нарушитель конвенции [3, с. 408].

Прежде всего необходимо отметить, что если в первом случае интересовавшая нас реплика с необходимостью предполагала дальнейшее развитие именно этой линии диалога, то здесь совершенно ясно, что цель говорящего – положить конец дальнейшему обсуждению затронутой проблемы или, по крайней мере, показать, что это обсуждение кажется говорящему неуместным. Представляется, что структура *А (ВОПР) же …?* – это стандартная речевая формула реакции на отрицание или сомнение в истинности некоторого утверждения. Цель такого высказывания – показать, что никаких альтернатив некоторому утверждению не существует и само предположение обратного нелепо и бессмысленно.

Такая категоричность данной реплике сообщается прежде всего частицей *же* и, во вторую очередь, парентетиком *по-вашему*: без *же* высказывание могло бы быть проинтерпретировано как выражение удивления по поводу того, что кто-то может выдвинуть альтернативу предложенному ранее мнению с одновременным предложением это мнение озвучить; *по-вашему* же, в свою очередь, возлагает как бы персональную ответственность за возможное нелепое альтернативное мнение.

Рассмотрим следующий пример.

(3) – Вам не нужен председатель? – спросил Фунт.

– *Какой председатель?* – воскликнул Бендер.

– Официальный. Одним словом, глава учреждения [3, с. 374].

Следует признать, что примеры такого рода весьма многочисленны. Наиболее стандартна для них формула *Какой N?* Подобные предложения часто рассматривались как реакция на пресуппозитивный компонент предыдущего высказывания. При очень широком понимании того, что такое пресуппозиция, этот подход можно было бы признать верным, ср.:

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

(4) – Ну, ограбление – это еще понятно, но гири! Почему вы украли у меня гири?

– *Какие гири?* Никаких гирь я не крал [3, с. 423].

Этот пример действительно иллюстрирует приведенное выше положение о пресуппозитивной ориентации таких реплик. В качестве пресуппозиции здесь, по-видимому, фигурирует пропозиция *Вы украли у меня гири*. Пример же (3) вряд ли может быть описан таким образом. Сформулировать пропозицию, имплицитно утверждаемую и понимаемую как истинную (что и есть пресуппозиция) в данном случае было бы довольно сложно. Интерпретация *У вас должен быть председатель* представляется несколько натянутой.

Попробуем тщательнее разобрать пример (ограбление). Прежде всего отметим, что высказывание *Какие гири?* вполне могло быть спровоцировано не только оригинальной репликой из романа, но и тем предложением, которое мы сформулировали как пресуппозицию, ср: *Вы украли у меня гири! – Какие гири?* В таком виде данная пропозиция пресуппозитивного статуса не имеет, что означает, в свою очередь, что не имеет никакого отношения к интересующему нас вопросу и ее пресуппозитивность в исходном примере.

Можно было бы допустить, что оба примера – и реальный, и сконструированный – допускают в качестве пресуппозиции суждение *(Эти) гири существуют*. В этом случае можно было бы сказать, что рассматриваемый тип реплик соотносится именно с этим компонентом высказывания. Нужно признать, правда, что подобные допущения очень мало содержательны. Кроме того, это допущение не способно помочь в общем случае: *Вам не нужен председатель?* не предполагает суждения *(Этот) председатель существует*.

Вообще говоря, единственная, как кажется, совпадающая характеристика номинаций *гири и председатель* – это то, что они есть. Данное утверждение совсем не неудачная шутка. Можно, в принципе, сделать вывод о том, что логико-семантическая структура высказывания, скорее всего, не связана непосредственно с его способностью стимулировать появление вопросов типа *Какой N?* Существенными становятся не отношения терма внутри пропозиции, а само

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

наличие именно данного терма. Мы приходим к характеристике, которая безразлична к семантической структуре высказывания, но совершенно необходима при описании существования высказывания в ситуации: характеристика эта – уместность.

Похоже, что для описания интересующей нас структуры уместнее пользоваться не семантическим, а прагматическим инструментарием, в частности, достаточно обоснованным, как кажется, будет вспомнить единственную максиму категории Отношения Принципа Кооперации Г. П. Грайса: «говори то, что уместно».

Попробуем проанализировать наши ситуации с этой точки зрения. Во-первых, совершенно очевидным представляется, что авторы реплик-стимулов в примерах (3) и (4) прекрасно понимают, о чем они говорят. Для них компоненты их высказываний, вызывающие затем недоумение у собеседников, совершенно уместны и естественны в данной ситуации. Для тех же эти элементы новы: их модель ситуации, на основании которой они и строят общение, таких элементов не включает (как вариант – коммуникант может делать вид, что дело обстоит таким образом). Рассматриваемый нами тип высказываний – это, по сути, попытка защиты собственной модели ситуации. Характерно, что довольно часто встречаются диалогические единства типа (5) и (6):

(5) – А деньги?

– Какие деньги? – сказал Остап, открывая дверь [3, с. 63–64].

(6) – А гриб?

– *Какой гриб?*

– Эпидемия [3, с. 183].

Реплики типа *A N?* как раз и реализуют в самом явном виде указание на то, что некий фрагмент действительности был упущен из виду собеседником и должен быть введен в его модель ситуации для большей ее адекватности. Встречный вопрос должен показать, что этот фрагмент не рассматривался в качестве неотъемлемой составляющей модели, его введение ново и непонятно говорящему. Он указывает, что уместность упоминания того или иного явления для говорящего

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

совершенно неочевидна, и требует дополнительной мотивации (всякий, знакомый с текстами романов «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» легко вспомнит продолжения приведенных нами примеров).

Таким образом, можно утверждать, что высказывания типа *Какой N?* – это реактивные высказывания, ориентированные на прагматическую пресуппозицию уместности предыдущего высказывания. Именно такие высказывания мы и выделяем как особый класс в связи с их явной специфичностью.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Типы модусов // Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – С. 109–110.

2. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова. 3-е изд., стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 368 с.

3. Ильф И. Двенадцать стульев. Золотой теленок: Романы / И. Ильф, Е. Петров. – Тула: Приокское книжное издательство, 1995. – 514 с.

4. Падучева Е.В. Вопросительные местоимения и семантика вопроса // Разработка формальной модели естественного языка. Сб. науч. тр. / под ред. А.С. Нариньяни. – Новосибирск, 1981. – С. 80–105.

5. Ремизова С.А. Вопросительность в диалогическом общении: форма и содержание: дис. … канд. филол. наук. 10.02.19 / С.А. Ремизова. – Краснодар, 2001.

6. Grice H.P. Meaning // Readings in the Philosophy of Language. – Englewood Cliffs, 1971. – P. 436–444.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)